

УДК 811.161.1'373.231

**АНТРОПОНИМНАЯ СПЕЦИФИКА
ВИТЕБСКО-СМОЛЕНСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО АРЕАЛА
(НА МАТЕРИАЛЕ МУЖСКИХ ИМЕННИКОВ)**

*канд. филол. наук Т.В. СКРЕБНЕВА
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Сопоставляются статистические параметры именников городов Витебска и Смоленска в их зависимости от историко-культурных реалий. Подчеркивается сходство тенденций динамики и качественного состава указанных именников во 2-й половине XX века; в ряду устойчивых особенностей витебского антропонимикона названы более низкая степень концентрации и существование местной «моды» на имена. На развитие антропонимии белорусско-российского приграничья в начале XXI века оказывают влияние тенденции, зародившиеся в период «перестройки»: снижение показателей концентрации и расширение границ именного фонда, рост антропонимной периферии за счет активного использования редких и редчайших календарных, иноязычных, славянских имен; воздействие на номинативную практику конфессионального фактора. Характерной особенностью приграничной антропонимии 1-го десятилетия XXI века является «активизация» мужских именников.

Введение. В белорусской ономастике к настоящему времени накоплен многоплановый теоретический и фактический материал, однако феномен приграничья пока не нашел целостного и системного отражения. Определенные шаги в этом направлении делают ученые витебской и смоленской ономастических школ (А.М. Мезенко, И.А. Королёва, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго, А.Н. Соловьёв, Н.В. Кузьмина, Е.И. Попова и др.), исследования которых посвящены выявлению сегментов универсального и национально-специфического в онимии смежных регионов, созданию языкового портрета жителя белорусско-российского приграничья. В русле антропонимической проблематики активно работает Ю.М. Галковская, установившая особенности количественно-качественного состава и развития именников таких городов, как Дубровно, Городок, городских поселков Езерище, Лиозно, Велиж, Рудня, Сураж.

Цель данного исследования – сопоставить статистические параметры именников городов Витебска и Смоленска во 2-й половине XX – первом десятилетии XXI века в их зависимости от историко-культурного контекста.

Материалом для исследования послужили акты о рождении по Первомайскому, Железнодорожному, Октябрьскому районам Витебска (17 816 единиц) на 6 контрольных срезах, охватывающих 1941 – 1944 – 1994 годы, а также списки новорожденных Первомайского района за 2010 год, представленные сотрудниками Главного управления юстиции Витебского облисполкома. Сведения о развитии антропонимикона г. Смоленска, сопоставимые с данными по г. Витебску в хронологическом отношении, почерпнуты из работ И.А. Королёвой, И.В. Даниловой, Н.В. Кузьминой [1; 2].

В основу исследования был положен количественно-качественный метод В.Д. Бондалетова, предполагающий соотнесение частотности антропонимных единиц со средним коэффициентом одноименности (СКО¹) и последующее распределение их по статистически значимым группам популярных, редких, единичных имен [3]. Все личные именованья далее приводятся нами в орфографии оригинала актов записей.

Основная часть. Исходный контрольный срез 1941– 1944 годов, хронологически совпадающий с периодом оккупации г. Витебска во время Великой Отечественной войны (11 июля 1941 – 26 июня 1944 г.), охватывает, в отличие от последующих годовых срезов, сразу четыре года, что связано с прекращением регистрации новорожденных в оккупированном городе и её возобновлением только в 1944 году.

Общее количество актов записей, приходящихся на данный период, невелико – всего 958. Для наречения 487 мальчиков использовано 65 имен, из них 17, по количеству имяносителей, превышающих либо равных СКО (7 единиц), являются частыми (популярными): *Игорь* (7 носителей); *Георгий*, *Григорий* (по 8); *Эдуард* (12), *Василий/Василь* (16), *Иван* (17); *Геннадий*, *Евгений*, *Пётр* (по 18); *Валерий* (19), *Михаил* (23), *Леонид/Леонит* (24), *Анатолий* (29), *Виктор* (35), *Александр* (39), *Николай* (41), *Владимир* (61). В целом на долю частых приходится 26,15 % от общего числа имен, тогда как удельный вес редких имен (26 единиц) составляет 40 %, а единичных (22) – 33,84 %.

Статистическая структура антропонимикона витеблян характеризуется следующими параметрами: все популярные имена охватывают 80,70 % новорожденных мальчиков, первая десятка частых имен – 70,23 %, а пятёрка – 42,09 %. Редкие и единичные имена, даваемые при рождении, составляют в совокупности 19,3 %.

¹ Средний коэффициент одноименности – величина, являющаяся результатом деления количества новорожденных на число личных имен.

Привлекаемые для сопоставления сведения по мужскому именной смолян 1948 года свидетельствуют о значительном количественном превосходстве витебского репертуара имен (в Смоленском регионе за 1 900 мальчиками закреплено 44 имени) и меньшем уровне его концентрации: витебский показатель СКО, равный 7 единицам, в шесть раз уступает смоленскому, составляющему 43 единицы [1, с. 162]. Динамика СКО и объема мужских именников Витебска и Смоленска во 2-й половине XX – начале XXI века нашла отражение в таблице.

Количественные параметры мужских именников Витебска и Смоленска
во 2-й половине XX – 1-м десятилетии XXI века

Период	Витебск		Смоленск ²	
	количество имен	СКО	количество имен	СКО
40-е годы XX века	65	7	44	43
50-е годы XX века	62	25	45	67
60-е годы XX века	66	26	63	40
70-е годы XX века	59	36	63	53
80-е годы XX века	68	29	69	51
90-е годы XX века	77	14	78	25
1-е десятилетие XXI века	81	7	103	17

Бурный всплеск патриотических настроений в условиях военного противостояния привел к минимальной представленности в именовании витеблян западноевропейских заимствований: *Эдуард* (зап.³; 2,46 % новорожденных), *Альберт* (нем.; 0,62 %), *Гарий* (вероятно, русифицированный вариант англ. *Гарри*; 0,21 %). К аналогичному выводу на смоленском материале приходит И.В. Данилова [1, с. 164].

Среди единичных особь интерес вызывает имя *Алентин*, имеющее пару в женской подсистеме именника – *Алентина*. Наличие в официальном антропонимиконе 1954 года фонетического варианта *Лександр* ← *Александр* позволяет и образования *Алентин* / *Алентина* квалифицировать как просторечные фонетические производные от календарных форм *Валентин* / *Валентина* (либо модификаты имен *Алевтин*, *Алевтина*), не зафиксированные, однако, в авторитетном справочнике Н.В. Бирилло [4, с. 42 – 43] и поэтому, возможно, специфичные для Витебского региона.

Контрольные срезы 1954 и 1964 годов знаменуют собой начало и конец хрущёвской «оттепели» – нового этапа в жизни страны, обозначившего поворот к либерализации общества. Тем не менее, как известно, антропонимикон не является прямым отражением общественных процессов и нередко с опозданием реагирует на них. Главными тенденциями развития мужского именника витеблян в 50-е годы XX века явились концентрация (СКО возрастает до 25 единиц), стабилизация и сужение репертуара (до 62 антропонимов). Своеобразие указанных процессов, свойственных и смоленскому антропонимикону, заключается в более интенсивных темпах концентрации (если в г. Витебске СКО увеличивается в 3,5 раза, то в Смоленске – всего в 1,5 (67 единиц [1, с. 166]) при практически не изменяющемся процентном соотношении имен частых (25,80 %), редких (40,33 %) и единичных (33,87 %). Динамика статистических частей витебской именной системы балансирует в пределах 0,03 – 0,35 %, тогда как в Смоленском регионе увеличение ассортимента редких именованных составляет 25 %, а единичных – 6 % [1, с. 168].

В качественном отношении популярная часть витебского именованного высокотрадиционна, содержит в себе только календарные антропонимы и на 13 единиц совпадает с популярным фондом 1941 – 1944 годов: *Александр* (264 носителя), *Владимир* (183), *Виктор* (149), *Сергей* (108), *Николай* (81), *Михаил* (80), *Валерий* (77), *Леонид* (63), *Анатолий* (56), *Геннадий* (53), *Василий* (45), *Юрий* (39), *Евгений* (33), *Олег* (32), *Пётр* (31), *Игорь* (30). За первое послевоенное десятилетие в число лидеров стремительно выдвигаются антропонимы *Сергей* (1941 – 1944 годы – всего 4 употребления), *Юрий*, *Олег* (1941 – 44 годы – по 2).

Вопреки ожиданиям, на срезе 1964 года заметных подвижек в соотношении статистических групп личных имен и их частотности в городе Витебске не происходит. Доля частых имен составляет 25,75 %, редких – 40,90 %, а единичных – 33,33 %. Своеобразной реакцией мужского именованного на некоторое смягчение политического режима явилось сохранение прежнего уровня концентрации (СКО поднялся всего на один пункт до 26 единиц) и расширение именованного репертуара на 4 единицы (зафиксировано 66 личных именованных, в Смоленске – 63). В группу частых входят 17 имен, в совокупности охватывающих 85,50 % всех носителей: *Сергей* (225 новорожденных), *Игорь* (218), *Александр* (212), *Юрий* (139), *Влади-*

² По данным И.В. Даниловой [1, с. 162, 166, 171, 176, 181, 186], Н.В. Кузьминой [2, с. 32].

³ Далее используем сокращения: зап. – западный, нем. – немецкий, англ. – английский.

мир (110), Олег (93), Андрей (81), Виктор (70), Валерий (65), Вячеслав (52), Михаил (46), Николай (39), Дмитрий (34), Геннадий (33), Василий (31), Алексей (30), Павел (26). Популярная часть обновляется путем последовательного расширения употребительности имен Андрей, Вячеслав, Дмитрий, Алексей, Павел, ранее относившихся к антропонимной периферии.

Группа редких состоит из 27 имен, охватывающих 13,25 % новорожденных мальчиков, а единичных – из 22-х (1,25 % новорожденных).

Новые заимствования проникают в витебскую антропонимную систему из армянского, греческого, грузинского, осетинского, западноевропейских языков, главным образом в тесной зависимости от национальности отца, рода профессиональной деятельности родителей (люди интеллектуального труда) либо в связи с существованием в конкретной семье традиции использовать в выделительных целях иноязычные личные именованья: *Саят* (отец – армянин, мать – белоруска); *Амиран* (отец – осетин, мать – белоруска); *Янис* (отец – грек, мать – белоруска); *Зураб* (отец – грузин, мать – белоруска); *Арвид* (отец – поляк, мать – белоруска); *Эрнст* (белорусы, отец – фрезеровщик, мать – преподаватель); *Артур* (отчество – *Жанович*; белорусы, рабочие); *Жан* (семья белорусов, мать – *Альбина Прохоровна*) и др.

При закономерном совпадении ключевых антропонимных тенденций у русского и белорусского народов, переживавших общую историческую судьбу в составе советского государства, очевидно своеобразии витебского регионального именованья, проявляющееся в повышенной стабильности его статистической структуры. Так, если в Смоленске на контрольном срезе 1968 года концентрация сокращается по сравнению с 1958 годом в 1,6 раза (СКО равен 40 единицам [1, с. 171]), то в Витебске она лишь замедляет темп, фактически оставаясь на прежнем уровне. Возможно, высокотрадиционный характер белорусской локальной антропонимной системы основывается на типичных чертах национального менталитета, таких как осторожность, сдержанность, консерватизм, ориентация на прошлое, ощущение нетерпимости и неизбежности течения времени [5; 6].

1964 год – важный рубеж в истории Советского Союза. На пост первого секретаря ЦК КПСС избирается Л.И. Брежнев. Идея стабилизации, лежавшая в основе деятельности нового лидера, имела своим следствием усиление консервативной направленности внутренней политики. Нельзя не обратить внимания на то, что развитие именованья витеблян 70-х годов проходит под знаком стабильности: 2 137 мальчикам, рожденным в 1974 году, присвоено 59 имен (на 7 единиц меньше, чем в 1964 г.); впервые перестают регистрироваться имена и отчества у мертворожденных младенцев; СКО возрастает до 36 единиц – самый высокий показатель за всю 2-ю половину XX века.

Группа частых состоит из 17 личных именованья: *Сергей* (284 фиксации), *Александр* (277), *Андрей* (210), *Дмитрий* (158), *Алексей* (151), *Владимир* (103), *Юрий* (100), *Олег* (91), *Игорь* (81), *Виталий* (80), *Вячеслав* (65), *Руслан* (50), *Виктор* (49); *Вадим*, *Валерий*, *Павел* (по 39); *Николай* (36). Популяризации имени *Руслан* (в 60-е годы известны только 2 единицы), по наблюдениям А.М. Мезенко, способствовала телевизионная демонстрация в 1972 году фильма «Руслан и Людмила» [7, с. 52].

Все частые имена составляют 28,81 % от общего количества имен; 86,66 % – новорожденных мальчиков. Доля редких имен возрастает до 44,06 % (26 единиц), а единичных сокращается до 27,12 % (16 единиц; расхождение с показателями 1964 года составляет 6,21 %).

Сопоставив приведенные цифры с данными предыдущего контрольного среза, обнаруживаем, что самые большие изменения претерпевает система единично употребляющихся антропонимов, используемых при наречении 0,75 % мальчиков. Вопреки планомерной фреквентативной убыли, совокупность единичных именованья качественно обновляется на 9 единиц, прежде всего за счет актуализации антропонимов пассивного запаса: *Рафаил*, *Зиновий*, *Борислав* (в семьях еврейской интеллигенции), *Ясон* (русско-грузинская семья), *Дурсун* (белорусско-грузинская семья), *Мирослав*, *Родион*, *Максим*. Имя *Сяргей* проникло в витебский именованья вследствие сознательной смены референтом в возрасте 27 лет этимологически тождественной русскоязычной антропонимной формы.

Увеличение концентрации, угасание процесса расширения именованья, наметившийся переход из пассивного в активный фонд редких славянских именованья – закономерности динамики, объединяющие антропонимию белорусско-российского приграничья 70-х годов XX века. «Застой» в обществе, по справедливому замечанию И.В. Даниловой, вызвал определенный «застой» в системе личных имен [1, с. 180], т.е. дал новую жизнь антропонимным тенденциям, управлявшим динамикой локальных именованья в период до хрущёвской «оттепели».

Особенностью развития мужского именованья витеблян в 80-е годы XX века явилось то, что его реакция на социальные настроения накануне «перестройки» по степени своей интенсивности превзошла реакцию именованья смолян, отличающуюся значительно более высоким уровнем концентрации: СКО в Смоленском регионе равен 51 единице, в Витебске – 29, количество имен (69) практически совпадает со статистикой по городу Витебску (68), однако обслуживает в два раза больше имяносителей (3 557 новорожденных мальчиков [1, с. 181], в Витебске – 1 979). Если в 50 – 70-е годы XX века основным проявле-

нием традиционности витебской именованной системы была стабильность её статистической структуры вкупе с относительной константностью единиц популярного репертуара, то в 80-е годы не менее важным показателем традиционности именованной системы становится построение официальной антропонимной формулы по принципу вертикального соименования, выраженное в наречении сына именем отца либо деда (распространяется на 10,25 % (203) новорожденных мальчиков). В 1974 году соименование зафиксировано в 2 раза реже (4,30 % – 92 записи о рождении), а в 1994 году – почти в полтора (7,67 % – 86 актов записей).

Обращаясь к статистической организации мужской подсистемы антропонимикона города Витебска, в первую очередь отметим социально обусловленный процесс уменьшения удельного веса частых имен, принадлежащих 84,54 % новорожденных. В группу частых на срезе 1984 года вошли антропонимы *Александр* (225 носителей), *Дмитрий* (196), *Сергей* (195), *Андрей* (150), *Алексей* (132), *Евгений* (83); *Виталий*, *Денис* (по 69); *Владимир* (64), *Игорь* (62), *Максим* (61), *Юрий* (55), *Павел* (43), *Олег* (37); *Вадим*, *Николай* (по 36); *Иван*, *Константин* (по 33); *Антон*, *Вячеслав* (по 32); *Артем* (30).

В 1990-е годы достигает своего пика направленность антропонимикона на максимальное расширение границ. Невзирая на весьма неблагоприятную демографическую ситуацию, СКО в городе Витебске опускается на 15 пунктов (до 14 единиц), а количество мужских имен (77) достигает рекордной для 2-й половины XX века отметки. К частым на срезе 1994 года относятся 26 мужских имен, применяемых для наречения 84,91 % мальчиков: *Александр* (89 фиксаций), *Дмитрий* / *Димитрий* (68), *Андрей* (67); *Евгений*, *Сергей* (по 60); *Алексей* (55), *Владислав* (53); *Артем* / *Артемий*, *Павел* (по 40); *Антон*, *Игорь* (по 37); *Никита* (33), *Максим* (32), *Денис* (30), *Илья* (29), *Виталий* (25); *Кирилл*, *Роман* (по 23); *Михаил*, *Станислав* (по 21); *Юрий* (20); *Вадим*, *Владимир*, *Олег* (по 19); *Иван* (17), *Виктор* (14).

Усиление позиций церкви в жизни современного общества нашло свое отражение в сфере имянаречения. Начиная с 1984 года, возрождается интерес ономаста к редким календарным именованьям, «вторую жизнь» обретают имена *Артем*, *Никита*, *Глеб*, *Степан*, *Игнатий* / *Игнат*, *Тимофей*, *Даниил* / *Данил*, *Арсений*, *Фаддей*, *Елисей*, *Ермолай*, *Матвей*, *Ярослав*, *Герман*, *Марк* и др. В русле идеи, высказанной И.В. Даниловой, данный процесс, присущий и смоленскому именованью, обусловлен «новой христианизацией именованья» [1, с. 185]. Думается, описываемая антропонимная тенденция может иметь и другое обоснование. Не стоит забывать, что 80 – 90-е годы XX века вместе с полиидеологичностью принесли увлечение всем западным. Наряду с редкими каноническими именами в выделительных целях не без влияния телевидения регулярно используются американские и западноевропейские заимствования (типа *Кевин*, *Мэтью*, *Марсель*, *Жан Мишель* и др.; они особенно характерны для женской подсистемы именованья). Заметное увеличение в 90-е годы удельного веса единичных имен (31,16 % – на 10,58 % больше, чем в 1984 г.) и их числа у новорожденных (2,14 %, ср.: 1984 г. – 0,71 %) свидетельствует об активизации выделительной функции имени на данном этапе. На наш взгляд, процессы пополнения антропонимикона за счет редких канонических и неадаптированных иноязычных имен не противоречат друг другу, поскольку имеют единую побудительную силу (выделительную функцию) и могут объединяться общим понятием обозначением – брэндинг в сфере присвоения имени. Впервые понятие «бэби-брэндинг» применительно к номинативной практике было использовано в интернет-публикации корреспондента немецкого журнала «Штерн» Патрика Плеу [8].

Популярный антропонимный репертуар в белорусском и российском локальных именованьях во 2-й половине XX века характеризуется существенной близостью: на срезе 40-х годов десятки лидирующих мужских имен в Витебске и Смоленске совпадают по девяти единицам (*Владимир*, *Александр*, *Виктор*, *Николай*, *Валерий*, *Анатолий*, *Михаил*, *Геннадий*, *Евгений*); в 50-е года – также по девяти (*Владимир*, *Александр*, *Виктор*, *Николай*, *Валерий*, *Анатолий*, *Сергей*, *Михаил*, *Геннадий*); в 60-е (*Владимир*, *Андрей*, *Николай*, *Юрий*, *Игорь*, *Александр*, *Сергей*, *Олег*); 70-е годы – по восьми (*Сергей*, *Алексей*, *Александр*, *Дмитрий*, *Андрей*, *Владимир*, *Игорь*, *Юрий*); в 80-е (*Александр*, *Евгений*, *Сергей*, *Андрей*, *Дмитрий*, *Алексей*, *Денис*, *Максим*, *Игорь*) и 90-е (*Александр*, *Дмитрий*, *Никита*, *Алексей*, *Владислав*, *Максим*, *Андрей*, *Артем*, *Сергей*) – по девяти. Характерно, что в Витебске по сравнению со Смоленском в определенные периоды большую продуктивность демонстрируют популярные имена: *Иван*, *Пётр* (40-е гг.); *Геннадий*, *Леонид* (40 – 50-е гг.); *Валерий*, *Вячеслав* (60-е гг.); *Виталий*, *Олег* (70-е гг.); *Владимир* (80-е гг.); *Евгений*, *Антон* (90-е гг.) и др.

В начале XXI века (срез 2010 г.) в витебском антропонимиконе находят продолжение тенденции, проявившиеся в нем с середины 80-х годов XX века: расширяется набор мужских именованья (81), СКО снижается до уровня 40-х годов XX века (7 единиц; сравним: в Смоленске в 2008 г. – 14), ослабляется номинативная нагрузка на частые имена. Группа популярных включает 25 личных имен, охватывающих 74,97 % мальчиков: *Никита* (45 фиксаций), *Артем* (33); *Владислав*, *Кирилл*, *Матвей* (по 26); *Даниил* (25), *Максим* (23), *Александр* (22), *Иван* (21), *Алексей* (18), *Егор* (16), *Михаил* (15); *Дмитрий*, *Ярослав* (по 14); *Илья* (12); *Денис*, *Станислав*, *Тимур* (по 10); *Андрей*, *Роман*, *Тимофей* (по 9); *Богдан*, *Евгений* (по 8); *Арсений*, *Павел* (по 7).

Десятка самых популярных мужских имен витеблян в 2010 году по 8 единицам совпадает с первой десяткой имен смолян: *Иван, Артём, Егор, Никита, Александр, Максим, Алексей, Даниил*. Интересно, что в Смоленске «лидером начала XXI века стало исконно русское имя *Иван*» [2, с. 35], занимающее в Витебске 7-е место, тогда как в Витебском регионе (и в городе, и в сельской местности) 1-ю позицию удерживает имя *Никита*. В Смоленске в первую десятку входят антропонимы *Константин, Антон, Сергей*, относящиеся в Витебске к редким.

Заключение. Мужские именники городов Витебска и Смоленска во 2-й половине XX – начале XXI века обладают определенным сходством в ключевых тенденциях динамики и качественном наполнении. Устойчивой особенностью витебского антропонимикона по сравнению со Смоленским является более низкая степень концентрации; местная «мода» на имена обуславливает региональные различия в их частотности.

На развитие антропонимии белорусско-русского приграничья в начале XXI века продолжают оказывать влияние тенденции, зародившиеся в период «перестройки» как следствие коренных исторических и социокультурных трансформаций: снижение показателей концентрации и расширение границ именного фонда, рост антропонимной периферии за счет активного использования ономастикой редких и редчайших календарных, иноязычных, славянских имен; воздействие на номинативную практику конфессионального фактора. Характерной особенностью приграничной антропонимии 1-го десятилетия XXI века является «активизация» мужских именников, однако будет ли данный процесс стабильным, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королёва, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И.А. Королёва, И.В. Данилова, А.Н. Соловьёв; отв. ред. И.А. Королёва. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
2. Кузьмина, Н.В. Тенденции формирования смоленского именника в первом десятилетии начала века / Н.В. Кузьмина // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы междунар. метод. семинара, Смоленск, 18 ноября 2010 г.; Смол. гос. ун-т; под общ. ред. И.А. Королевой. – Смоленск, 2010. – С. 31 – 37.
3. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 3: Структура ўласных мужчынскіх імён / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
5. Народная культура Беларусі: энцыкл. давед.; пад агул. рэд. В.С. Цітова. – Мінск: БелЭН, 2002. – 432 с.
6. Лапіч, К.Г. Нацыянальная самасвядомасць і менталітэт беларусаў / К.Г. Лапіч // А і В. Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 3. – С. 8 – 10.
7. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка: навуч. дапаможнік для студ. універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 119 с.
8. Pleu, P. Baby-branding wird zur Manie / P. Pleu // Stern [Электронный ресурс]. – 2007. – 11 Juli. – Режим доступа: <http://stern.de/politik/panorama/:Namensgebung-Baby-Branding-Manie/592874.html>. – Дата доступа: 12.07.2007.

Поступила 02.11.2012

ANTHROPONYMIC SPECIFICITY OF VITEBSK-SMOLENSK BORDER ZONE (ON THE MATERIAL OF MALE NAMING SYSTEM)

T. SKREBNEVA

The statistical characteristics of the naming systems of Vitebsk and Smolensk are compared depending on historical and cultural actuals. The similarity between the tendencies in dynamics and qualitative structure of the naming systems in the 2nd half of the XXth century is accented; there is a lower level of concentration and local “fashion” for names in a number of stable peculiarities of Vitebsk anthroponymicon. The tendencies appeared in the period of “reconstruction” such as decreasing in the data of concentration and broadening the limits of a name system, increasing of an anthroponymic periphery at the expense of active using of rare and the rarest calendar, foreign, slavonic names, the influence of the confessional factor on the nominative practice affect the development of the anthroponymy in the Belarusian-Russian border zone at the beginning of the XXIst century. The specific feature of the border anthroponymy of the first decade of the XXIst century is the “activization” of male naming systems.